

УДК 81'33(81.13)

РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В КОДИРОВАНИИ И ДЕКОДИРОВАНИИ СМЫСЛА РЕЧЕВОГО СООБЩЕНИЯ

Елена Александровна Баженова

д. филол. н., зав. кафедрой русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Bazhenova_e2000@mail.ru

В статье рассматриваются особенности функционирования прецедентных текстов в массовой и научной коммуникации. В качестве основных факторов, способствующих широкому использованию прецедентов в массовой коммуникации, автор называет поиск новых форм экспрессивности, тенденцию к языковой игре и карнавализации диалога с читателем. В научной коммуникации прецедентные знаки типа *теорема Пифагора*, *таблица Менделеева*, *бином Ньютона* обеспечивают компрессию старого знания с целью его сохранения и кумуляции. Вводится понятие энтропии, под которой понимается мера неопределенности содержания текста, осложненного межтекстовыми связями. Особое внимание уделяется проблеме развития культурной грамотности современных читателей, утрачивающих способность декодировать социокультурные коды сообщения, «зашифрованные» в прецедентных текстах.

Ключевые слова: текст; прецедентный текст; интертекстуальность; контекст; культурная грамотность.

В новых социокультурных условиях функционирования языка внимание исследователей в области речевой коммуникации вновь привлекают проблемы понимания сообщения и интерпретации его смысла с учетом усложненной структуры текста за счет реализации в нем межтекстовых связей.

Как известно, понимание текста является актом перевода линейной последовательности языковых знаков в значение и смысл. А.А. Леонтьев отмечал, что большую роль в этом акте играет творческая активность воспринимающего текст субъекта, благодаря которой понимание становится эвристическим процессом, предполагающим воплощение заложенного в текст смысла в новых формах индивидуального знания [Леонтьев 1974: 145–146]. Очевидно, что процесс декодирования смысла усложняется, если текст включает в себе в явной или скрытой форме диалог с предшествующими текстами. Типичными сигналами такого диалога выступают прецедентные знаки различного типа, обычно прецедентные тексты, – продукты речемыслительной деятельности, хорошо знакомые любому среднему члену лингвокультурного сообщества, в когнитивную базу которого входит инвариант восприятия этого текста; обращение к прецедентному тексту многократно возобновляется в процессе коммуникации [подробнее см.: Соро-

кин 1985]. Отсылка к прецеденту имеет ярко выраженную прагматическую направленность: прецедентный текст всегда сигнализирует адресату о наличии в речевом сообщении «завуалированного», глубинного смысла. Перефразируя В.Е. Чернявскую, можно сказать, что текст, отсылающий к прецеденту, дает читателю ту меру рецептивной свободы, которую он способен присвоить [Чернявская 2017].

Ю.Н. Караулов относит к прецедентным текстам цитаты, имена персонажей, названия произведений и их авторов, а также культурные феномены невербальной природы [Караулов 1987: 216]. В.Я. Шабес, типизируя фоновые знания адресата и адресанта, выделяет социальные, коллективные и индивидуальные прецедентные высказывания [Шабес 1989: 8]. Еще одна типология прецедентов содержится в монографии В.В. Красных, которая рассматривает социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные текстовые структуры [Красных 1998: 96]. Всех названных авторов объединяет понимание прецедентных единиц как «потенциально автономных» или «автосемантических» смысловых блоков речевого сообщения, используемых в целях актуализации значимой для субъекта фоновой информации.

Включение в текст прецедентных единиц приводит к увеличению его энтропии, под кото-

рой мы понимаем меру неопределенности содержания речевого сообщения, осложненного межтекстовыми связями. Декодирование такого многомерного сообщения может иметь разные исходы: 1) полное адекватное понимание, 2) коммуникативный сбой, завершающийся частичным или поверхностным пониманием текста, 3) коммуникативная неудача (эффект «коммуникативных ножниц»), т. е. непонимание смысла текста и авторской интенции.

В настоящее время прецеденты используются в текстах всех речевых разновидностей русского литературного языка, однако наиболее яркую и пеструю картину можно наблюдать в текстах массовой коммуникации. Высокая частотность прецедентных единиц в дискурсе СМИ и рекламе отражает стремление журналистов и копирайтеров к поиску новых форм экспрессивности и новых средств не прямой оценки общественных явлений, тенденцию к языковой игре и карнавализации диалога с читателем, а также отчасти и речевую моду. Проиллюстрируем сказанное примерами заголовков из «Российской газеты» и журнала «Русский Newsweek», содержащих 1) канонические прецедентные тексты: *Мы везем с собой кота; По шучьему велению; Красная армия всех сильнее; От Москвы до самых до окраин; Гуд бай, Америка; И все-таки она вертится* и др.; а также 2) трансформированные прецедентные тексты: *Крылатое вырощение; У Кремля за пазухой; С большого главы на здорового; Глас воющего в пустыне; Песня купца Чичваркина; Береги чин смолоду; Абитуриенты и факты; Сизифов отдых; Архипелаг анилаг; Моссад слезам не верит* и др. Трансформация прецедентного текста обеспечивает заголовку не только экспрессию, необходимую для привлечения внимания читателя, но и приращение смысла.

Декодирование коммуникативной интенции автора и понимание имплицатур текста требуют от читателя, погруженного в ситуацию игры со смыслами, достаточных фоновых знаний. Прецедентные включения всегда ориентированы на эрудированного адресата, в противном случае читатель не поймет авторской позиции, не распознает журналистской оценки освещаемого события, не уловит иронии, не получит удовольствия от интеллектуальной игры.

В целом, прецедентные единицы, актуализированные в продуктах массовой коммуникации, формируют особый контекст сообщения, вписанного в социокультурное пространство эпохи. Ср.: «За прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для

всех носителей того или иного национально-культурного менталитета» [Красных 2003: 170]. Нельзя не согласиться и с Ю.Н. Карауловым, считающим, что «знание прецедентных тестов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [Караулов 1987: 216].

Необходимость социолингвистического подхода к изучению контекста как экстралингвистического явления отмечает В.Е. Чернявская. По ее мнению, «контекст – это понятие, для которого не применимо одномерное техническое определение. Основное разделение проходит по линии вербальный контекст, то есть непосредственное окружение языковой единицы в структуре (устного или письменного) текста – слова, словосочетания, предложения, и социальный контекст, т. е. те составляющие, которые конструируют идентичность использующего язык человека – пол, возраст, раса, национальность, социальный, профессиональный статус, – и создают прагматическую релевантность высказываний. В таком ракурсе контекст является объектом для специалистов, работающих в социолингвистике, философии, культурной антропологии... Следует исходить из того, что экстралингвистический контекст – это основа для адекватной интерпретации смыслов и языковой деятельности вообще» [Чернявская 2017]. Поддерживая эту позицию, выразим надежду, что социолингвистический подход к изучению феномена прецедентности не только углубит понимание социальной природы речевой деятельности вообще, но и привлечет внимание к проблеме развития культурной грамотности современных читателей, их способности декодировать социокультурные коды сообщения, «зашифрованные» в прецедентных текстах.

Утрату способности декодировать культурный контекст речевого сообщения, адекватно понимать его смысл, невладение прецедентными текстами, в целом – резкое снижение культурной грамотности наших современников, особенно молодежи, отмечают многие исследователи. Приведем некоторые оценки: «разрыв или даже множество разрывов в цепи передачи культуры – от поколенческих до географических» [Дубин, Зоркая 2008]; «историко-культурная амнезия» молодежи [Рубинштейн 2008: 27]. В.Д. Черняк и М.А. Черняк, выявившие посредством опроса студентов Петербурга колоссальное количество культурных лакун, приходят к выводу, что «современная социокультурная ситуация воплощает системный кризис чита-

тельской культуры» [Черняк В.Д., Черняк М.А. 2009: 92]. И не случайно В.Е. Чернявская подчеркивает, что культурная грамотность, включающая интертекстуальную компетентность и связанную с ней интерпретативную способность как возможность и умение коммуникантов определить, какие межтекстовые связи актуальны и адекватны для интерпретации смысла, получает в современной коммуникативной ситуации ключевой статус [Чернявская 2017].

Изучение феномена прецедентности актуально также для сферы научной коммуникации, недостаточно исследованной в этом аспекте. Между тем понимание научного текста требует от читателя, помимо общей интерпретативной способности и знаний в специальной научной области, еще и умения встраивать научное содержание в эпистемический контекст науки.

Свойственный научно-познавательной деятельности императив рациональности детерминирует точность и определенность изложения, поэтому фоновая информация, не имеющая непосредственного отношения к полученному знанию, для научной коммуникации несущественна. Исходя из этого, прецедентные единицы общекультурного характера в современных академических (т. е. собственно научных) текстах встречаются крайне редко (примеры приводятся ниже).

В типичном научном тексте прецедентные знаки репрезентируют кванты старого знания (теории, законы, гипотезы, методы и др.), которые входят в дисциплинарный фонд науки «под именами» их авторов и становятся терминологическими понятиями, владение которыми является условием профессиональной компетенции читателя. Недостаток или отсутствие профессиональной пресуппозиции является значительным препятствием в научной коммуникации и может привести к неполному или искаженному пониманию научного содержания.

В науке языковой формой прецедентного знака является именное словосочетание, включающее существительное с общенаучной семантикой и антропоним (или производное от него притяжательное прилагательное), например: *таблица Менделеева*, *теорема Пифагора*, *геометрия Лобачевского*, *ergon* и *energia* Гумбольдта, *la langue Соссюра*, *чужая речь Бахтина*, *риманово пространство*, *броуновское движение* и др. Такие прецедентные знаки обладают большой семантической емкостью при минимальной формальной вместимости. Они являются результатом смысловой компрессии исходных научных текстов и формой их метонимической замены

(по выражению М.М. Бахтина, «аббревиатурой высказывания»).

В научном труде прецеденты демонстрируют типичный прием сжатия старого знания с целью его сохранения, уплотнения и дальнейшего накопления. При этом старое знание может быть представлено с двух сторон – онтологической (предметное содержание) и методологической (способы его получения). Прецеденты первого типа отсылают к объекту познания, например: *пространство Минковского*, *комета Галлея*, *ноосфера Вернадского*, *излучение Вавилова – Черенкова*, *волна де Бройля*, *ферми-газ*, *хаббловская скорость*, *поверхность Конрада* и др. Методологическая сторона старого знания выражается номинациями форм знания (*законы Менделеева*, *гипотеза Сепира – Уорфа*, *постулаты Бора*, *теорема Гаусса*, *формула Томпсона*, *принцип Ферма* и др.) или способов его представления (*шкала Цельсия*, *кривая Лоренца*, *коэффициент Джинни*, *лагранжева координата*, *бином Ньютона* и др.).

Прецедентные имена ученых включаются в вертикальный контекст научного универсума. Одно упоминание имени оказывается достаточным для того, чтобы адресат извлек из своего интеллектуального «архива» соответствующее эпистемическое содержание, поэтому научные прецеденты обычно не сопровождаются ссылками.

Закономерно, что ученые, давшие имена научным открытиям, получают общепризнанный авторитет. К этим именам новые поколения исследователей уже апеллируют как к конвенционально закрепленному знаку дисциплинарного знания (хотя достоверность этого знания со временем может быть и опровергнута). В связи с этим прецедентные тексты оказываются «добавочно защищенными» и вызывают «эффект ореола» [Сорокин 1985: 73], т. е. они способны воздействовать на адресата силой самого имени. Похожей оценки придерживается также М. Фуко, см.: «Имена собственные – прецедентные тексты – индикаторы, которыми маркируются курсы, чтобы быть принятыми в качестве доказанных» [Фуко 1996: 24].

Реконструируя вероятный «исторический путь» того или иного открытия, можно предположить, что само открытие подвергается многократной проверке, а текст, давший жизнь «прорывной» научной идее, многократно интерпретируется, со временем достигая некоего инварианта понимания и оценки. С течением времени верифицированное знание получает статус достоверного, фундаментального и обязательного для профессиональной подготовки будущих ис-

следователей. Содержание общепризнанного откровения замещается его «именной маркировкой», которая становится хрестоматийным прецедентным знаком, вошедшим в когнитивную базу специалистов данной научной области.

В целом, прецедентные единицы, функционирующие в научной коммуникации, обеспечивают систематизацию, уплотнение и накопление знания, преемственность познавательной деятельности, а также ориентацию субъекта познания в дисциплинарном фонде науки. Кроме того, они объединяют апперцепционную базу адресанта и адресата, служат средством активизации фоновых знаний читателя и, наконец, способствуют экономии текста за счет компрессии содержания старого знания.

Таким образом, прецедентные единицы научного текста являются функционально-стилевой разновидностью общекультурного феномена прецедентности. Их эпистемические, прагматические и собственно текстовые свойства подчинены основной задаче коммуникации в сфере науки – изложению научного знания и убеждению читателя в его достоверности. Именно эта целеустановка формирует смысловое развертывание научного текста и в то же время ограничивает его содержание рамками эпистемической ситуации, поэтому фоновая информация, не имеющая прямого отношения к научному содержанию, воспринимается как лишняя и обычно «изгоняется» из академического текста на стадии саморедактирования.

Прецедентные тексты культурного характера, которые изредка можно встретить в собственно научных текстах (цитаты из художественных произведений, имена библейских или мифологических персонажей; пословицы, поговорки, афоризмы; упоминания жизненных ситуаций, вызывающих инвариантное восприятие, и др.) являются скорее иностилевыми включениями, иллюстрирующими речевую индивидуальность автора. Приведем несколько примеров (прецедентные тексты выделены полужирным шрифтом):

*Из сравнительно безмятежной сферы сосюровского языка... мы переходим в запутанную сферу всей совокупности человеческих взаимодействий, осуществляемых с помощью речевых средств. Именно эту сферу Витгенштейн неосторожно назвал «языковыми играми». Этим он обрек потомков на взаимное непонимание, а заодно и на поиски, которые по большей части напоминают **вычерпывание бочки Данаид** (Фр.: 98).*

Синтез есть целенаправленная операция, осуществляемая субъектом деятельности для получения желаемого результата, который и определяет отбор соединяемых элементов по их количествен-

*ным и качественным характеристикам... Другими словами, в отношении синтезируемых элементов справедлив принцип, выраженный известной поговоркой: «**Из песни слова не выкинешь**» (Вас.: 135).*

*Защитники тех или иных неортодоксальных концепций хорошо усвоили тезис, согласно которому **лучший способ защиты – это нападение** (Зельд.: 145).*

*Идея стационарности Вселенной... обладает большой привлекательностью, основанной, вероятно, на инерции мышления. **Человек привык к малым скоростям** (Зельд.: 123).*

Контекстуальный анализ прецедентных знаков, апеллирующих к культурной памяти и ассоциациям читателя, показывает, что с их помощью автор конкретизирует научное содержание, понижая планку отвлеченно-обобщенности научного изложения. Строго говоря, для репрезентации научного знания «культурные» прецеденты избыточны. Однако в коммуникативно-прагматическом плане, с учетом «фактора адресата», их позитивная роль в научной коммуникации очевидна: такие прецедентные тексты облегчают восприятие и понимание научного содержания.

Список источников

Вас. – Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев: Наукова думка, 1988. 239 с.

Зельд. – Зельдович Я.Б., Новиков И.Д. Строевание и эволюция вселенной. М.: Наука, 1975. 736 с.

Фр. – Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века / Институт языкознания РАН. М.: Изд-во РГГУ, 1995. С. 74–117.

Список литературы

Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Чтение в России – 2008: Тенденции и проблемы. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. 80 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.

Леонтьев А.А. Психология общения. Тарту, 1974. 220 с.

Рубинштейн Л.С. Духи времени. М.: КоЛибри, 2008. 352 с.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985. 168 с.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Чернявская В.Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. № 4. (В печати.)

Черняк В.Д., Черняк М.А. Стереотипы массового сознания и культурная грамотность // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / ред. М.П. Котюрова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. Вып. 13. С. 89–95.

Шабес В.Я. Событие и текст. М.: Высшая школа, 1989. 175 с.

THE ROLE OF PRECEDENT TEXTS IN CODING AND DECODING THE MEANING OF SPEECH MESSAGE

Elena A. Bazhenova

**Head of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University**

The article is devoted to the investigation of precedent texts and their functioning in modern mass and scientific communication. The main factors contributing to widespread usage of precedents in mass communication are considered to be a search for new forms of expressivity, a tendency to language game, as well as carnivalization of the dialogue with the reader. In scientific communication precedent signs, such as *Pythagor's theorem*, *Mendelejev's table*, *Newton's binom* provide compression of old knowledge with the purpose of its preservation and accumulation. The author introduces the concept of entropy understood as a measure of uncertainty of the intertextual content. Particular attention is paid to the problem of cultural literacy of modern readers who lose the ability to decode sociocultural codes of the message "encrypted" in precedent texts.

Keywords: text; precedent text; intertextuality; context; cultural literacy.